

Региональные интеграционные процессы

Алиса Багаева

По мере расширения перечня регионов, охватываемых интеграционными процессами, появляется много вопросов об их эффективности, о соответствии механизмов региональной интеграции, применяемых в рамках общих соглашений разными структурами, о степени доверия участников этих процессов друг к другу как основы для дальнейшего продвижения интеграции и т. д.

Постепенно оформилась исследовательская область регионоведения, произошла ее сегментация по проблемному признаку, выделились сферы экономического и политического или сравнительного регионоведения.

Региональная интеграция в предметном поле регионоведения

Не все авторы согласны с тем, что предметное поле региональных исследований позволяет говорить о наличии самостоятельной науки. В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский подчеркивают, что речь идет о комплексной дисциплине, изучающей социально-экономическое, политическое, культурное, этноконфессиональное,

природное, экологическое развитие относительно целостных территориальных образований как в мире (макрорегионоведение), так и в пределах Российской Федерации (внутристрановое регионоведение)¹.

С этой позицией можно поспорить, поскольку выявились аспекты регионального развития, не входя-

БАГАЕВА Алиса Валерьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *E-mail*: bagaeva@socio.msu.ru

Ключевые слова: регион, интеграция, общество, политические интересы.

щие в круг внимания специалистов других областей. Если механизмы межгосударственной интеграции изучаются экономистами, политологами, социологами, то рождающиеся на наших глазах альтернативные механизмы интеграции, связанные, в частности, со сложносочетающимся взаимодействием корпораций, торговых сетей, организаций производителей и потребителей, не имеют привязки к какому-либо предмету. Нельзя не видеть выхода на свет теневых действий неформальных коалиций государств

Региональные процессы становятся полем для реформатирования международной иерархии. Регионоведение изучает точки пересечения путей трансграничной интеграции с интеграционными процессами внутри отдельных государств. Интеграционный процесс необходимо анализировать с позиций взаимодействия стран на региональном и континентальном уровнях. Все это указывает на важность маркирования собственного предметного поля регионоведения.

Об этом говорит и профессор испанской бизнес-школы *IESE (Instituto de Estudios Superiores de la Empresa)* Панкадж Гемават, который предлагает рассмотреть третью модель развития современного мира, где регулирование и глобализация будут дополнять друг друга ради всеобщего блага. Эту модель он считает работоспособной на основе анализа состояния, проблем и перспектив международной экономической интеграции, опыта наиболее крупных и успешных интеграционных образований (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН и др.)². Как считает этот автор, мир 3.0

содержит четкие предложения для правительств, бизнеса и отдельных людей. От правительств он требует относиться к интеграции и регулированию рынков как к двум различным вариантам выбора, которые нужно координировать, а не противопоставлять, а бизнесу предлагает широкий спектр возможностей приспособления к работе в разных странах, преодоления различий между ними и использования этих различий себе во благо.

Региональная интеграция может быть стихийной, а может носить управляемый характер.

Стихийно интеграционные процессы происходят на уровне хозяйственного взаимодействия населения расположенных рядом территорий и государств, приводящего к сближению механизмов экономической активности, развитию предпринимательской и торговой кооперации, взаимным обменам в бытовых и социальных областях жизнедеятельности. Такая разновидность интеграции изначально присуща человеческому обществу. Однако как только видимая выгода от таких связей, выходящих за административно установленные границы территорий или стран, становится ощутимой для власти, или, наоборот, отсутствие такой связи может помешать решению каких-либо властных проектов, то власть стремится придать интеграции регулируемую направленность. Она облачается в форму межгосударственных соглашений, подлежит согласованию национальными или межгосударственными органами.

Вместе с тем можно увидеть прямую зависимость регулируемой ин-

теграции от стихийной, что, в частности, проявляется в добровольности принимаемых на себя сторонами обязательств и единых правил действия в сфере прежде всего хозяйственных связей.

Интеграция, даже на уровне межгосударственного регулирования международных отношений, предполагает их добровольное согласие на выполнение обязательств, происходящих из необходимости координировать ранее изолированные, а отныне согласованные меры в различных областях взаимного интереса. Отсюда следует, что насыщенность такого интереса конкретными идеями, смыслами, образами, рисующими реальную отдачу от совместных проектов, намного превышает имеющиеся опасения издержек и потерь, происходящих из-за каких-либо неполадок во взаимосвязях. Опасения подпитываются не просто наличием недоверия к другой стороне, а наличием в прошлом ее воспри-

ятия через призму вражды. Неизжитый образ врага как фантом возникает в самые сложные моменты принятия интеграционных решений.

Осознанию взаимного интереса способствует понимание протяженности культурной дистанции между отдельными сторонами интеграционных процессов.

Гавриил Мейрович, профессор Школы бизнеса Бертолон (Университет г. Салем, Массачусетс, США) говорит о наличии двух противоположных взглядов специалистов на влияние культурной дистанции. Некоторые авторы утверждают, что для успеха партнеры должны обладать сходными культурными характеристиками: чем больше культурная дистанция, тем хуже результат; другие исследователи убеждены в том, что большая культурная дистанция способствует и большей эффективности проектов, в которых заняты представители различных культур³.

Смысловые различия условий и факторов интеграции

Суммируя особенности региональных интеграционных процессов в ракурсе привносимых ими экономических, политических, институциональных изменений, а также в контексте устанавливаемой между участниками таких процессов культурной дистанции, можно обнаружить, что их протекание зависит от двух основных линий, обозначенных условиями и факторами интеграции.

При всей внешней близости данных категорий между ними есть принципиальная разница.

Условие обозначает отношение предмета к окружающей действительности, явлениям объективной реальности, а также относительно себя и своего внутреннего мира. Оно не является причиной, непосредственно порождающей тот или иной процесс или явление, а составляет ту среду, в которой причина вызревает, возникает, существует, развивается.

Условие есть состояние системы, допускающее, предполагающее или обеспечивающее возможность осуществления события.

Точно так же могут сформироваться условия, ограничивающие позитивный ход вещей.

В условии довлеет фон объективного развития ситуации. И потому прежде чем искать виноватых в каких-либо промахах и поражениях, а также восхвалять какую-либо персону, следует разобраться в том, насколько благо-приятствовали или, наоборот, противодействовали условия именно данному исходу ситуации.

В отличие от условия *фактор* есть причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты.

Любопытно, что в русский язык слово «фактор» (лат. *factor* – «делатель, творец чего-нибудь») вошло в XVIII в. И в русском языке оно сначала обозначало мелкого посредника, комиссионера, исполнителя частных поручений.

В «Немецко-латинском и русском лексиконе» Эрнрейха Вейсмана немецкое слово *Faktor* (лат. *institor, exercitor*) определяется так: «Торгоша, который чужой товар продает»⁴.

Но то что в этом лексиконе слово дано именно в немецком варианте, возможно, указывает на отсутствие его русской формы в момент издания книги, т.е. в 1731 г.

В 1910 г. Н.А.Смирнов в исследовании «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» пишет: «Фактор, пол. *faktor*, нем. *faktor*, поверенный. Коммерц же Коллегии должность в иностранные земли определять Консулей и Факторов в те места, где коммерция происходит. П. С. 3. VII т. № 4453. Велел его Величество всем Шведским подданным комисарам и факторам комерции... объявить... Шафиров. Рассужд. о войне с Карлом XII, 58 стр.»⁵.

Таким образом, понятие «фактор» вновь связывается с указанием рода деятельности определенного лица.

Правда, не надо забывать, что это понимание было свойственно не времени издания работы Смирнова, а эпохе, которой она была посвящена, т.е. эпохе Петра I. Это была только одна нить развития данного понятия, вторая касалась его перехода из языка математики в язык публицистики в 60-е годы XIX в. Тогда и появляется его расширенное значение как движущей силы, причины какого-либо процесса, определяющего его характер.

В соединении этих смысловых линий можно обнаружить, что в их основе лежит субъективное отражение реальности. Фактор выражает то, что создано человеком, развито им или безжалостно разрушено. Но при поиске ответов на вопрос, почему что-то произошло таким именно образом, фактор всегда нам будет указывать на наличие волевого компонента развертывания событий. Неслучайно понятия «фактор» и «актор» (действующий субъект, индивидуальный или коллективный) достаточно часто путаются даже в специальной литературе.

В региональных исследованиях разведение содержания понятий «условия» и «фактор» является необходимым шагом для анализа как явных, так и скрытых механизмов интеграции, соответствия политического и организационного поведения кого-либо из участников интеграционных процессов объективным общественным потребностям. Без этого сложно изучать возможности смены ролей на интеграционном поле, отражающих закономерности игры субъектов и объектов политики, экономики, социальных и духовных процессов.

Роль условий и факторов интеграции во взаимодействии субъектов и объектов региональной политики

Субъекты региональной интеграции, будучи политическими, социальными или институциональными носителями целенаправленной интеграционной политики, выступая ее проводниками, не застрахованы от того, чтобы стать объектом воздействия со стороны других субъектов, что зависит от ряда общих и частных условий. Иногда эти условия ясны и прозрачны, а порой заставляют разбираться в системах теневых взаимодействий участников, к которым могут относиться представители криминальных структур, кланов, прямо или косвенно проявляющих интерес к региональным интеграционным проектам. В сложной игре на региональном интеграционном поле подвижными являются и субъект-объектные отношения и отношения межсубъектные (субъект-субъектные).

Несмотря на то что верхние эшелоны занимают такие субъекты региональной политики, как государство, политические партии, политизированные общественные организации и движения, на поле интеграционных преобразований первичным субъектом остается индивид, личность, гражданин сначала своего государства, а затем всей региональной общности.

Успех или неудача интеграционных процессов зависит прежде всего от успеха или неудачи социальной интеграции, которая отражает установление оптимальных связей между относительно самостоятельными и малосвязанными между собой социальными объектами (индивиды,

группы, социальные классы, государства) в целях их превращения в единую целостную систему. Ее отличает от социально хаотического состояния согласованность и взаимозависимость всех частей на основе общих целей и интересов. Там, где такой согласованности нет, а есть диссонанс социальных, профессиональных, политических, региональных и прочих интересов, нет не только сплоченной социальной системы, но и каких-либо предпосылок для региональной интеграции. Попытки же выдернуть из комплекса интересов один-единственный и превратить его в стержень регионального сближения, как правило, заканчиваются крахом проекта. Поэтому конечной оказывается история всех известных империй, где этим стержнем был властный интерес сильнейшего актора – государства, независимо от того, во главе стоял один человек или коллективный орган, была ли его власть легитимна или узурпирована и т.д.

С вхождением в эпоху глобализации в регионах на общем фоне стал четче заметен кризис имеющихся форм социальной интеграции, а заодно – кризис контроля и управления. Это вызвало всплеск революций, локализованных региональных – «цветных» на постсоветском пространстве, «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Консолидация социальных, экономических, политических, профессиональных, региональных и других интересов выступает важнейшим условием поддержания соци-

альной системой устойчивости и равновесия общественных отношений, а вслед за этим и условием успеха проектов по сближению хозяйственных, общественных, образовательных, культурных форм активности и институтов в разных регионах.

И еще: – такая консолидация невозможна в принудительном порядке. Она является продуктом той стадии демократического развития общества и государства, когда проблема личности и гражданина относится к числу решенных, ибо приобретение знаний, в том числе политических и юридических, опыта, позволяющего сформулировать позитивное отношение к более широкой общности, чем собственная государственная, является прежде всего делом этого государства. Оно может пытаться данную задачу решать, используя идеологические рычаги, например, пролетарского интернационализма, а может, опираясь на моральные или экономические.

Далее ход интеграционных процессов зависит уже не от изначальных условий, а от их сочетания с факторами, от того, насколько сбалансированным оказывается соотношение объективных и субъективных начал в каждом случае региональной интеграции.

Каким образом можно измерять это соотношение?

Первым индикатором выступает сознательное участие представителей власти и граждан в политике интеграции, в утверждении ими своих осмысленных интересов и ценностей регионального объединения.

Второй индикатор указывает на понимание смысла новых ролей той

или иной государственной или этнической общности, социальной группы в интеграционных условиях, их готовность смириться, поступиться чем-то изначальным заданным, неоспоримым собственным качеством, которым данная группа обладала вне интеграционного объединения.

Третий предугадывает подъем откатной волны, волны апатии или стихийного протеста против данной интеграционной линии или всей политики интеграции в целом.

Эти три индикатора укладываются в простую схему: «да», «но, если...» и «нет». В ней нет ничего, что бы ее отличало от схем политического поведения массы, независимо от того, где она разворачивается: в рамках одного государства или интеграционного пространства. Отличия – в масштабах. Региональная интеграция усиливает множественность субъектов и объектов политических, экономических, социальных и иных отношений, усложняет их структуру, делает их отношения многоуровневыми, повышает динамизм взаимодействия всех институтов интеграции.

Самым обширным объектом политики интеграции становится общество в целом, разворачивающееся внутри него важнейшие социально-экономические и духовные процессы. Политика приобретает функцию координации, регулирования всех главных сторон жизни общества на этом интеграционном поле, а политические отношения выступают средством реализации регионального интереса. Его выражение и путь к достижению уже происходят с учетом круга проблем и частных интересов, которые воспринимаются и

отражаются личностями, движениями, партиями, институтами, организациями, выходящими за пределы политической системы одного государства, корреспондируются с интересами других участников политических систем иных государств – членов интеграционной общности. Отсюда возникает потребность более настойчивого поиска ими компромисса, консенсуса, солидарности, которые могут снизить градус соперничества, конфликта, вражды.

Поскольку различие интересов участников региональной интеграции преодолеть достаточно сложно, то между ними возможно несколько типов отношений:

– симметричные и асимметричные;

– горизонтальные и вертикальные;

– эгалитарные и иерархические.

Различие форм внутри этих дихотомий определяется в первую очередь установленными интеграционным объединением политико-правовыми нормами. Нельзя не учитывать влияния национальных политических традиций и культуры, характера сложившихся не только государственных институтов, но и органов местного самоуправления. В не меньшей степени форма отношений зависит от наличия ресурсов, которые не могут быть одинаково распределены между всеми членами интеграционной группировки.

Выделим три уровня, на которых идет поиск баланса между условиями и факторами региональных интеграционных процессов:

– *Первый* – социальный, включающий индивидов и различные соци-

альные слои (профессиональные, этнические, демографические и пр.).

– *Второй* – институциональный (государство, партии, профсоюзы, политические движения, институализированные группы интересов и т.д.).

– *Третий* – идеологический (СМИ, учреждения системы образования, церковь, спортивные ассоциации и т.п.).

В результате достижения баланса условий и факторов региональной интеграции формируются новые качества общества и его политической системы, которые означают их большую открытость демократическим формам функционирования, меньшую имущественную поляризацию, переход к более эффективному управлению в широких масштабах.

Пока судить о таких качествах можно лишь на основании гипотез, касающихся перспектив региональной интеграции. Но даже в Европе, где старт интеграции опередил другие регионы, наблюдаются тревожные процессы, далекие от нарисованной картины. Они указывают на то, что и на высоком уровне интеграции не исключены такие хитросплетения условий и факторов интеграционных преобразований, что они могут если не пойти вспять, то замедлить на неопределенное время.

Все это не означает, что инструмент, который позволяет проверять правильность выбора того или иного интеграционного шага в любом регионе, где имеются признаки интеграционных усилий, выбран неверно.

Имеющийся опыт региональной интеграции указывает на то, что такие признаки никогда не превратят-

ся в реальные интеграционные процессы, пока в них не произойдет четкого разделения на объективный фон, т. е. на условия, в которых действительно возможен старт интегра-

ционных процессов, и на факторы, отражающие субъективную настроенность всех их реальных и возможных будущих участников добиваться положительного результата.

Примечания

- ¹ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2010.
- ² Панкадж Гемават. Мир 3.0. Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- ³ Мейрович Г. Влияние культурных сходств и различий на развитие стратегических партнерств // URL: <http://www.mubint.ru/science/yaroslavl-initiative/docs/Meirovich.pdf>.
- ⁴ Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. Академии наук печатанию издан /пер. с нем. И.И. Ильинский, И.П. Сатаров и И.С. Горлицкий. СПб.: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. С. 185.
- ⁵ Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. Сб. ст. СПб., 1910. Т. 88. № 2. С. 301.

**Подписка на 2013–2014 гг.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие
36789 — на год